

Научная статья

УДК: 340.130.568

DOI: 10.17323/2072-8166.2021.4.4.24

Локальные нормативно-правовые акты: терминологические дискуссии

Марина Леонидовна Давыдова

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, davidovaml@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8392-9592>

Аннотация

В исследовании локальных нормативно-правовых актов сложность составляет определение их отраслевой принадлежности. В зависимости от тематики конкретного исследования локальные акты могут рассматриваться как источники норм административного, гражданского, трудового, корпоративного права, что предопределяет различные интерпретации соответствующего понятия. Проблема осложняется тем, что преемственность в изучении локальных актов возможна лишь в очень ограниченных пределах, так как не только понятие, но и сама сущность данного явления в советский период значительно отличалась от современной. При этом как полное отторжение, так и некритическое воспроизведение старых теоретических конструкций порождают различные и довольно спорные подходы к понятию локальных актов. В статье исследуются современные трактовки понятия «локальный нормативно-правовой акт» с целью выявить границы использования данного термина и круг явлений, ими охватываемых. Анализ возможных интерпретаций данного понятия с позиций различных концепций правопонимания (социологической, естественно-правовой, позитивистской) позволяет сделать вывод о том, что правовая природа локальных нормативно-правовых актов может с необходимой долей убедительности быть обоснована в рамках любой из существующих концепций. Помимо концептуальных представлений о праве, специфика возможных подходов к понятию локальных актов может быть обусловлена особенностями той отрасли права, с позиции которой проводится исследование (трудовое, гражданское, административное, муниципальное право). Применяя формально-юридический и логический методы, автор анализирует каждый из существующих отраслевых подходов, доказывая, что на сегодняшний день комплексное исследование системы локальных нормативно-правовых актов представляется возможным только с позиции общей те-

ории права. Именно общетеоретический подход, в отличие от отраслевого, позволяет охватить все разновидности локальных актов, выявляя признаки, объединяющие различные их категории. Обосновывается использование термина «локальные нормативно-правовые акты» как родового, охватывающего в качестве своей разновидности акты корпоративные, но при этом образующего непересекающиеся множества с понятием «муниципальные нормативно-правовые акты».

Ключевые слова

локальный нормативно-правовой акт, корпоративный нормативно-правовой акт, муниципальный нормативно-правовой акт, локальное регулирование, локальная норма, источник права

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Финансирование: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484.

Для цитирования: Давыдова М.Л. Локальные нормативно-правовые акты: терминологические дискуссии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 4–24. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.4.4.24

Legal Thought: History and Modernity

Research article

Local regulatory legal acts: terminological discussions

Marina L. Davydova

Volgograd State University, Volgograd, Russia, davidovaml@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8392-9592>

Abstract

When studying local regulatory acts, we are faced with the question of what branch of law they belong to. Depending on the subject of a particular study, local acts can be considered as sources of norms of administrative, civil, labor, corporate law. This leads to completely different interpretations of the concept of “local legal act”. The difficulty is that in today’s study of local acts there is almost no continuity with the studies of the previous period, because not only the concept, but also the very essence of this phenomenon in the Soviet period was significantly different from the modern one. At the same time, it is equally wrong to both reproduce uncritically the old theoretical constructions and completely reject them. As a result, rather contradictory and controversial approaches to the concept of “local legal acts” may arise. The article explores modern interpretations of the concept of “local

regulatory legal act” in order to reveal the boundaries of the use of this term and the range of phenomena they cover. An analysis of possible interpretations of this concept from the standpoint of various concepts of legal thinking (sociological, natural law, positivist) allows us to conclude that the legal nature of local regulatory legal acts can be substantiated within the framework of all the existing concepts. In addition to conceptual ideas about law, the specificity of possible approaches to the concept of local acts may be due to the peculiarities of the legal branch from which the research is conducted (labor law, civil law, administrative law, municipal law). Using the formal legal and logical methods, the author analyzes each of the existing approaches, showing that today a comprehensive study of the system of local regulatory acts is possible only from the perspective of a general theory of law. It is the general theoretical approach that allows us to cover all varieties of local acts, revealing the signs that unite their various categories. The author substantiates the use of the term “local regulatory legal acts” (internal acts of the organization that regulate the behavior of its members) as a generic one. “Corporate normative legal acts” are considered as a kind of local acts. As for the municipal acts, they completely do not coincide with the local ones, because their action extends not to the members of the organization, but to all those who are on the territory of the municipality.

Keywords

local regulatory legal act, corporate regulatory legal act, municipal regulatory legal act, local regulation, local norm, source of law

Acknowledgements: The paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the NRU HSE academic publications.

Financing: The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 21-18-00484.

For citation: Davydova M.L. Local regulatory legal acts: terminological discussions. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2021, vol. 13, no. 4, pp. 4–24. (In Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2021.4.4.24

Введение

Современные подходы к совершенствованию правового регулирования, в частности, концепции умного регулирования (smart regulation), лучшего регулирования (better regulation), меньшего регулирования (less regulation) [Романовская О.В., 2019]; [Слеженков В.В., 2021] обосновывают необходимость сокращения прямого государственного вмешательства в общественные отношения, доказывая, что привлечение «суррогатных регуляторов», использование саморегулирования и сорегулирования «уменшает утечку скудных нормативных ресурсов и обеспечивает более широкое участие в вопросах регулирования тех, кто непосредственно связан с отраслью и широким сообществом» [Gunningham N., Sinclair D., 2017: 141]. К сожалению, в отечественной практике объем нормативно-правовых актов и интенсив-

ность государственного регулятивного воздействия на общественные отношения не снижается.

В сочетании с возрастанием числа центров принятия правотворческих решений это позволяет говорить о фрагментации правового регулирования, которая вполне обоснованно рассматривается сегодня как закономерная тенденция развития правового пространства [Залоило М.А., 2020]. И если на уровне законодательного регулирования эта тенденция носит скорее отрицательный характер, нарушая единство и внутреннюю логику правовой системы, приводя к созданию «местечковых» регуляторов [Власенко Н.А., 2015], то развитие локального правотворчества как способа формирования норм, исходящих не от государства, а от частного сектора, играет в этом процессе, скорее, позитивную роль. В определенной мере развитие локального регулирования способно компенсировать пробельность, коллизионность, нестабильность законодательства, формируя «низовую», относительно автономный уровень системы источников права.

Актуальность исследования локальных нормативно-правовых актов в связи с этим, безусловно, возрастает. При этом, несмотря на традиционный характер данного понятия (а в какой-то мере, и вследствие этого), изучение локальных актов сталкивается с рядом нерешенных научных проблем, касающихся, в частности, круга явлений, охватываемых понятием «локальный нормативно-правовой акт», критериев отграничения их от близких по природе актов, перечня возможных субъектов локального правотворчества и т.д.

Термины «локальные нормы», «локальные нормативные акты», «локальное правовое регулирование» активно использовались в советской юридической литературе. Наибольшее внимание этой проблематике уделялось в рамках трудового права (Г.И. Дубских, Л.Л. Иделиович, С.С. Каринский, И.Н. Каширин, Е.А. Кленов, Р.И. Кондратьев, Ф.М. Левиант), а также общей теории права (Л.И. Антонова, С.И. Архипов, В.К. Самигуллин, В.А. Тарасова). Под локальными правовыми актами понимались акты государственных предприятий, учреждений и организаций, которые рассматривались как продолжение государственной власти, а их акты — как звено системы нормативно-правовых актов, устанавливаемых государством [Самигуллин В.К., 1976: 38]. Вопрос о нормативно-правовом характере актов негосударственных предприятий не ставился ввиду отсутствия последних.

Близкой по своей природе к локальным нормативно-правовым актам являлась еще одна группа источников советского права — акты, принятые общественными объединениями с предварительной или последующей санкции государства [Щиглик А.И., 1983]; [Ямпольская Ц.А., 1965]. Как и в предыдущем случае, многие теоретические положения, характеризовавшие эту группу актов, на сегодняшний день не применимы, так как их признание

источниками права было связано с тем, что фактически общественные объединения представляли собой не институты гражданского общества, а квазигосударственные структуры. В современных условиях своеобразное возрождение этой практики происходит в рамках института сорегулирования, который (в противоположность западной модели¹) продолжает нести на себе негативные черты советского опыта имитации общественного участия в государственном правотворчестве [Романовская О.В., 2019: 10–12].

В постсоветский период локальные акты стали активно исследоваться (А.М. Алиев, Е.Ю. Калужнов, Т.В. Кашанина, А.Б. Козырева, А.С. Кривченков, П.Т. Подвысоцкий, В.А. Потапов, С.В. Ухина, Г.В. Хныкин, И.С. Шиткина и др.), в том числе как акты саморегулирования (Д.О. Грачев, Ю.Г. Лескова), акты поднормативного регулирования (Е.Г. Сирота), разновидность сделок (С.Ю. Филиппова, С.С. Вилкин), юридических фактов (А.Я. Ганижев). При этом научные выводы советского периода в современных работах иногда используются некритично (без учета изменившихся социально-политических реалий) либо, наоборот, полностью отвергаются как морально устаревшие. В результате складывается довольно противоречивая картина, в которой одним и тем же понятиям разные исследователи порой придают прямо противоположные значения. Часть дискуссий носит, казалось бы, терминологический характер: какие именно акты должны называться локальными? как это понятие соотносится с корпоративными, муниципальными актами? к каким из этих актов применима характеристика «нормативно-правовой»? На деле вопрос терминологии, как это часто бывает, оказывается спором не о словах, а о сущности рассматриваемых явлений.

В статье на основе анализа современных научных исследований и действующего законодательства раскрывается взаимосвязь между существующими подходами к понятию локального нормативно-правового акта и основными концепциями правопонимания, а также спецификой конкретных отраслей права.

1. Локальные акты и дискуссия о правопонимании

Первый концептуальный вопрос, связанный с анализом природы локальных нормативно-правовых актов: право или неправо? В определенной мере ответ на него зависит от принятой исследователем концепции правопонимания. Разумеется, наиболее категоричен в обосновании правовой природы локальных актов социологический подход. Наличие права, исходящего не

¹ Interim Report from the Commission to the Stockholm European Council — Improving and simplifying the regulatory environment. Available at: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52001DC0130> (дата обращения: 20.03.2021)

от государства, а от общества, от союзов и объединений [Эрлих О., 2011] является одним из его базовых положений. В своей крайней трактовке (правовой плюрализм) такой подход способен привести к полному стиранию границы между правом и иными социальными нормами [Антонов М.В., 2013]. В отечественной юриспруденции, традиционно тяготеющей к юридическому позитивизму, подобный взгляд на право вряд ли станет когда-нибудь преобладающим. Однако обосновываемые в науке идеи о делении права на государственное и негосударственное, о наличии права гражданского общества, группового и индивидуального права [Малахов В.П., 2015: 51–57], безусловно, отсылают нас к довольно радикальным взглядам социолого-правового спектра.

Развивая эти взгляды, некоторые авторы ставят корпоративное право² как разновидность группового в один ряд с каноническим и теневым, что предполагает не столько согласование, сколько противопоставление корпоративного права государственному. «Корпоративное право не организуется извне, не порождается посредством государственного волеизъявления. Возникновение корпоративного права — это результат акта добровольного вхождения в корпорацию, закрепления статуса участника (члена) корпорации и последующего развития корпоративных правоотношений, возникающих по поводу организации внутренней деятельности корпорации, реализации корпоративного интереса и распределения материальных благ, прибыли между участниками (членами) корпорации» [Правкина И.Н., 2017: 109].

Данная позиция перекликается с теорией социальной автономии (О. фон Гирке, Л.С. Таль, У. Мейер-Кординг, Ж.-Л. Бержель), которая рассматривает автономию корпораций не как полномочие, производное от государства и необходимо имеющее в качестве предпосылки закон, а как социальный источник права, находящий основание в иной власти и выражающийся при определенных условиях в полномочии самостоятельно создавать объективное право в актах, устанавливающих собственный правовой порядок [Калюжнов Е.Ю., 2015: 20–38].

Не противоречит такой взгляд и естественно-правовой парадигме, в рамках которой локальные акты могут рассматриваться как практическое воплощение права на объединение и принципа «разрешено все, что не запрещено». В такой трактовке они выступают материализацией естественного права, не производной от права позитивного, а лишь согласующейся с ним в принципиальных моментах, в остальном же выражающей свободное волеизъявление гражданского общества. Естественно-правовую трактовку ло-

² Термин «корпоративное право» понимается здесь предельно широко, как внутренние нормы любых объединений.

кальных актов в своих современных работах предлагает В.К. Самигуллин, указывающий, что «... если локальный акт, обозначаемый как «нормативный правовой акт», соответствует первосути права — мерности, направлен на более полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина... то такой локальный акт, даже если он противоречит действующему федеральному или региональному законодательству (в силу их неадекватности новой производственной и социальной ситуации, противоречивости, устарелости и т.д.), может быть признан правовым» [Самигуллин В.К., 2016: 20].

С позиции позитивистского взгляда на право приведенные выше варианты обоснования юридической природы локальных нормативно-правовых актов выглядят достаточно сомнительными. Если право — это, по определению, то, что так или иначе связано с государством, то круг относимых к нему явлений существенно сужается. Однако убедительное обоснование локального правотворчества возможно и в этом контексте. Более того, позитивистская парадигма лежит в основе сразу нескольких базовых подходов к природе локальных актов, прежде всего, правореализационного и нормативного. Согласно первому из них, возможность устанавливать правовые нормы является исключительной прерогативой государства, а природа локальных актов связывается с актом реализации таких норм в форме договора или сделки. С позиции второго подхода, локальное нормативное регулирование является продолжением регулирования государственного на том основании, что государство допускает ограниченную возможность саморегламентации поведения субъектов (поднормативного регулирования) либо санкционирует локальные нормативные акты, признавая их статус в качестве правовых. Если оставаться в рамках позитивистской парадигмы, то последний вариант аргументации представляется нам наиболее удачным, хотя и не лишенным недостатков.

В данном случае, однако, нас интересуют не преимущества того или иного подхода, а тот факт, что правовая природа локальных нормативно-правовых актов может с необходимой долей убедительности быть обоснована с позиции любой концепции правопонимания.

2. Проблема отраслевой принадлежности локальных актов: преимущества общетеоретического подхода

Наряду с этим значительное влияние на решение вопроса о сущности рассматриваемой группы нормативных актов оказывает определение их отраслевой принадлежности. Вопрос этот не всегда ставится исследователями (особенно, теоретиками) прямо, но, как правило, содержание выводов четко указывает на то, какие именно группы актов выступали в качестве эмпирической базы. Учитывая, что данной проблематике посвящены и многочис-

ленные собственно отраслевые исследования, можно уверенно говорить о существовании нескольких подходов.

Первый из них связывает понятие локального нормативно-правового акта преимущественно с трудовым правом. Широкой популярности такой их трактовки способствуют многолетние научные наработки, а также наличие прямого упоминания в действующем законодательстве (ст. 8 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ³)), дающего объективные основания для многочисленных отраслевых исследований.

Второй подход основывается на нормах гражданского и корпоративного права. Изначально в постсоветской теоретико-правовой литературе термин «корпоративные» употреблялся в отношении норм всех негосударственных организаций [Алексеев С.С., 1993: 68] как более современно звучащий аналог «локальных» актов⁴. Однако такое широкое значение быстро вступило в конкуренцию с чрезвычайно конкретной цивилистической трактовкой, которая со временем вошла и в некоторые теоретико-правовые исследования [Кашанина Т.В., 2005: 34], рассматривающие в качестве корпоративных актов уставы и иные акты конкретной категории юридических лиц — корпораций.

Третий подход, исходя из буквального значения слова «локальный» (т.е. «местный»), связывает данный термин с актами органов местного самоуправления. Внутренние акты различных организаций при этом полностью или частично переименовываются в корпоративные либо остаются без названия [Кашанина Т.В., 2009: 127–146]; [Арзамасов Ю.Г., 2019: 4–5].

Четвертый подход встречается в некоторых работах по административному праву, где термин «локальные» применяется к внутренним актам государственных органов. Так, Д.Н. Бахрах делит нормы административного права на общеобязательные и внутриаппаратные, среди которых выделяет общеаппаратные, межведомственные, ведомственные и локальные (действующие в пределах отдельной организации) [Бахрах Д.Н., 2006: 32]; [Ордина О.Н., 2010: 15–17].

Пятый (общетеоретический) подход предполагает попытку обобщения отраслевых особенностей и формирования единой, надотраслевой концепции последних. К сожалению, теория права часто использует данные отраслевых наук выборочно и несистемно. Более того, формальная принадлежность исследования к той или иной научной специальности вообще не является здесь основным критерием. В отраслевых работах мы можем встретить последовательно обоснованный общетеоретический подход [Лушников А.М.,

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 06.10.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021).

⁴ По мнению М.Н. Марченко, термин «корпоративные» является просто западным вариантом названия локальных актов [Марченко М.Н., 2005: 262].

2014: 63]. Наоборот, в работах по теории права содержание выводов часто указывает на применимость их лишь к отдельным группам актов.

В качестве примера рассмотрим два теоретико-правовых исследования, авторы которых концептуально стоят на позициях своих научных руководителей, конструктивно развивая соответствующие научные подходы. Речь идет о защищенных примерно в одно и то же время диссертационных работах Е.Ю. Калюжнова «Теоретико-правовые основания правил техники локального нормотворчества» (М., 2015) и А.Б. Козыревой «Корпоративное правотворчество: теория и практика» (М., 2016). Несмотря на то, что в качестве основной темы оба исследования посвящены проблемам локального (корпоративного) правотворчества, основные разногласия у авторов возникают по концептуальным вопросам понятия и сущности исследуемых нормативных актов.

Е.Ю. Калюжнов, придерживаясь общетеоретической трактовки, определяет локальные нормативные акты как имеющие регулятивное (абстрактно-неиндивидуальное) содержание внутренние документы различных юридических лиц и использующих наемный труд частнопрактикующих субъектов. Признаками таких актов являются: 1) регулятивная рекурсивность (самонаправленность); 2) праворазмерность (соответствие праву); 3) нормотворческая многофункциональность; 4) остаточная предметность; 5) нормативная мягкость [Калюжнов Е.Ю., 2015: 8].

В работе А.Б. Козыревой корпоративные акты определяются как вид нормативных правовых актов, в котором содержатся нормы права, принятые органами управления корпоративной организации, распространяющиеся на ее участников. К числу признаков этих актов автор относит следующие: 1) их адресатами являются участники корпорации, имеющие точную количественную определенность; 2) сфера их действия не ограничена территорией корпоративной организации; 3) их содержание определяется волей коллектива корпоративной организации; 4) корпоративные акты в равной степени содержат и дозволения, и запреты, и предписания; 5) над материальными в них преобладают процедурные нормы; 6) они в своем большинстве имеют поощрительный характер; 7) для них характерна оперативность принятия» [Козырева А.Б., 2016: 203].

Нетрудно заметить, что ключевое различие данных подходов заключается в определяемом ими круге возможных субъектов локального (корпоративного) правотворчества. В первом случае круг этот очерчен предельно широко, охватывая любые юридические лица, а также частнопрактикующих субъектов, использующих наемный труд. Во втором — круг субъектов существенно ограничивается, и включает лишь юридические лица и только те из них, которые относятся к числу корпоративных организаций. Сам термин «корпорация» понимается автором в соответствии с действующим граждан-

ским законодательством как «объединение действий и/или имущества лиц (физических и/или юридических), зарегистрированных в качестве юридического лица с обособленным имуществом, участие в котором формализовано, имеет свои органы управления и функционирует на началах автономии и самоуправления» [Козырева А.Б., 2016: 8].

При делении юридических лиц на корпоративные и некорпоративные организации исследователь также ориентируется на Гражданский кодекс РФ, который в ст. 65.1 перечисляет соответственно корпоративные и унитарные юридические лица⁵. К первым относятся, как коммерческие (хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы), так и некоммерческие (общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), нотариальные палаты, товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, общины коренных малочисленных народов) юридические лица. Оставшиеся организации (государственные и муниципальные унитарные предприятия, фонды, учреждения, автономные некоммерческие организации, религиозные организации, государственные корпорации, публично-правовые компании) закон называет унитарными юридическими лицами. Невключение их в число корпораций, таким образом, обосновывается отсутствием либо фиксированного членства/участия либо автономии и самоуправления [Козырева А.Б., 2016: 59–60]. По этой логике не может признаваться субъектом корпоративного правотворчества и индивидуальный предприниматель, так как не представляет собой объединение лиц.

Соответствие действующему законодательству, безусловно, относится к достоинствам приведенного подхода, однако, порождает и ряд вопросов. Насколько природа и содержание внутренних актов обусловлены организационно-правовой формой принимающего их субъекта? Существуют ли общие черты у внутренних актов корпоративных и некорпоративных организаций? К какой группе следует отнести акты остальных организаций, не вошедшие в число корпоративных?

Так, в анализируемом исследовании пять из семи признаков корпоративных актов не отражают специфики корпораций и могут быть в равной мере отнесены к любым юридическим лицам (оперативность принятия, преимущественно поощрительный характер, преобладание процедурных норм, наличие дозволений, запретов и обязываний, персональный принцип действия вместо территориального). Признак точной количественной определенности адресатов правовых норм совершенно обоснован, ведь лишь при

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая), от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // СПС Консультант Плюс.

наличии устойчивой связи лица с организацией можно говорить о его обязанности исполнять соответствующие нормы и о потенциальной возможности применить санкции за их нарушение. Однако для наличия этого признака вполне достаточно трудовых отношений, которые могут связывать работников не только с корпоративной, но и с религиозной организацией, с предприятием любой формы собственности и даже с частным предпринимателем. Собственно, рассуждая о соотношении понятий «членство» и «участие» А.Б. Козырева рассматривает последнее как более широкое, поэтому делает выбор именно в пользу него и, следовательно, в пользу трудово-правовой трактовки корпоративных актов. Логическим следствием этого могло бы стать расширение круга рассматриваемых организаций до любых субъектов, использующих наемный труд. Однако сделать это автору не позволяет последний признак корпоративных актов: их содержание определяется волей коллектива корпоративной организации.

Стремление положить этот признак в основу предлагаемого подхода понятно и многократно обосновано авторами классических трактовок (см. договорную, сделочную концепции), но, с общетеоретической точки зрения, вызывает ряд возражений. Наличие коллективной воли как источника правовых норм:

а) касается не всех актов организации (например, актов, регулирующих труд наемных работников) и не всех организаций (например, унитарных юридических лиц);

б) часто носит формальный характер (речь может идти о принятии акта от имени соответствующих лиц, а не о фактическом их участии в правотворчестве);

в) не всегда зависит от организационно-правовой формы юридического лица (трудовое законодательство предусматривает возможность участия работников в управлении любыми организациями, в том числе, в разработке и принятии локальных нормативно-правовых актов (ст. 8, 27, 52, 53, 53.1, 371, 372 ТК РФ и др.). Речь идет не только о возможности акционирования работников (когда они включаются в сферу корпоративных отношений), но и о любых случаях участия, предусмотренных законодательством, коллективными договорами или отраслевыми соглашениями [Казаков С.О., 2019]).

В результате получается, что, руководствуясь данным, зачастую совершенно формальным признаком, исследователи исключают из круга изучаемых явлений целый ряд близких по форме и содержанию актов. Почему, например, общины коренных малочисленных народов признаются корпорациями, а религиозные организации — нет? Или почему акты главы крестьянского хозяйства, регулирующие труд его наемных работников, корпоративными актами считать можно, а абсолютно аналогичные акты индивидуального предпринимателя — нельзя? Очевидный ответ: потому что

сегодня так решил законодатель. Однако позиция законодателя может оказаться изменчивой, не до конца устоявшейся, а иногда и внутренне противоречивой⁶.

Представляется, что теория права в большей мере должна опираться на фундаментальные черты, находить общее там, где отраслевые юридические науки видят лишь отличия и собственную специфику. С этой точки зрения, у актов акционерного общества, государственного унитарного предприятия, религиозной организации, политической партии, клуба филателистов и даже у правил внутреннего трудового распорядка, установленных индивидуальным предпринимателем для своих работников, безусловно, есть общие черты. Все эти акты не исходят от государственных органов, а источник их формирования и масштаб действия ограничиваются пределами соответствующей организации, т.е. они имеют локальный характер.

Стоит заметить, что и в работе Е.Ю. Калюжнова строгий общетеоретический подход иногда уступает отраслевому. Включая в круг субъектов локального правотворчества использующих наемный труд частнопрактикующих лиц (индивидуальные предприниматели, главы крестьянских (фермерских) хозяйств, адвокаты, нотариусы и др.) [Калюжнов Е.Ю., 2015: 8], исследователь приближается к трудовправовой трактовке локальных правовых актов. Последняя, хоть и является более широкой, чем корпоративно-правовая, также не охватывает все внутренние акты. Так, согласно действующему законодательству⁷, крестьянское (фермерское) хозяйство создается на основе родства, его глава выбирается, а доходы делятся между членами, — как таковой наемный труд может отсутствовать. Хотя в случае с индивидуальным предпринимателем указание на наличие наемных работников как на потенциальных адресатов локальных нормативно-правовых актов абсолютно оправдано.

Представляется, что именно общетеоретический подход, в отличие от отраслевого, позволяет охватить все разновидности локальных актов, выявляя признаки, объединяющие различные их категории, а также устранить сомнения и противоречия в характеристике отдельных их видов.

К примеру, старательная попытка избежать термина «правовой» применительно к некоторым нормативным актам, вероятно, связана со стремлением уйти от общетеоретической дискуссии о понятии права и о том, акты каких именно субъектов следует считать правовыми. Подобные сложности возникают в теории трудового права в связи с закрепленной в ст. 8 ТК РФ

⁶ На это указывают, например, анализ существующей классификации хозяйствующих субъектов [Долинская В.В., 2016], теоретические и правоприменительные проблемы ограничения корпоративной от общей гражданско-правовой ответственности [Гутников О.В., 2019] и другие дискуссионные вопросы юридической науки.

⁷ Ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 11.06.2003 N 74-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СЗ РФ. 2003. N 24. Ст. 2249

формулировкой «локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права». Так, А.М. Лушников, с одной стороны, совершенно обоснованно поясняет, что формулировка эта не является тавтологичной, так как акцент в ней делается на отраслевой принадлежности норм [Лушников А.М., 2014: 64] (аналогично звучало бы, например, «локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового, а не корпоративного права»). С другой стороны, здесь же автор несколько противоречиво заявляет: «...Локальные нормативные акты (в том числе корпоративные), содержащие нормы права (курсив мой — М.Д.), нельзя называть нормативными правовыми (курсив мой — М.Д.) актами, ибо последние, в традиционной классификации источников права, исходят от государства или органов местного самоуправления в лице их уполномоченных правотворческих органов» [Лушников А.М., 2014: 64]. Думается, акты, содержащие нормы права, являющиеся источниками права⁸, могут называться только правовыми.

По нашему мнению, общая теория права позволяет устранить сомнения и обосновать правовой характер рассматриваемых актов. Представляется, что нет оснований отказывать им в наличии таких классических признаков права, как нормативность, формальная определенность, государственная обязательность. Действительно, признаки эти присущи и муниципальным, и корпоративным, и трудовым актам, каждый из которых при условии непротиворечия действующему законодательству обязателен для своих адресатов, круг которых неперсонифицирован, а в случае нарушения вправе рассчитывать на защиту со стороны государства.

К такому же выводу можно прийти, если приложить к рассматриваемым актам признаки относительно нового для теории права понятия «правовое пространство», сформулированные Ю.А. Тихомировым: а) согласие субъектов права действовать в общих интересах; б) общие цели и задачи в регулируемой жизнедеятельности; в) принципы деятельности людей, организаций и государств; г) установленные стабильные и подвижные правовые грани; д) наличие механизмов обеспечения и защиты единого правового пространства [Тихомиров Ю.А., 2017: 5]. Ни один из этих признаков, как и само определение правового пространства («признаваемая и регулируемая правом сфера жизнедеятельности людей, организаций и государств» [Тихомиров Ю.А., 2017: 5]), не вступает в противоречие с представлением о правовом характере внутренних актов юридического лица. Сказанное позволяет предположить, что такими актами устанавливается специфическое локальное правовое пространство.

⁸ А.М. Лушников пишет: «Эти акты являются *источниками частного трудового права*. Очевидно, что локальные нормативные акты не теряют при этом связи с государством, которое признает их, определяет место данных актов в системе *источников трудового права* и определяет пределы работодателямского усмотрения» [Лушников А.М., 2014: 68].

Стоит заметить, что суть общетеоретического подхода к локальным нормативно-правовым актам заключается вовсе не в том, чтобы объединить под этим наименованием максимальное их число. Наоборот, выявление их ключевых признаков позволяет исключить из круга исследуемых явлений такие, которые этим признакам не соответствуют.

3. Локальные и муниципальные нормативно-правовые акты: проблема соотношения

Наибольшие сомнения в части включения в общее понятие локальных актов вызывают акты органов местного самоуправления. Принципиальным отличием их от внутренних актов различных организаций является территориальный, а не персональный критерий определения границ их действия (речь, естественно, не идет о внутренних актах, регулирующих положение работников и служащих органа местного самоуправления).

Если основной чертой локальных нормативно-правовых актов признать их внутриорганизационный характер, то их неперсонифицированность ввиду обязательной связи адресата нормы с организацией приобретает некоторую условность. Вероятно, можно заключить, что проявляется эта неперсонифицированность не в невозможности поименно назвать всех субъектов (в каждый конкретный момент общее число членов организации является исчислимым), а в том, что появление в организации новых членов, как правило, влечет распространение на них действия ранее принятых внутренних актов этой организации.

Ошибочным является поэтому утверждение об актах саморегулируемых организаций как форме индивидуального правового регулирования [Лескова Ю.Г., 2011: 52]. Акты саморегулирования (имеющие локально-договорную природу [Бабайцева Е.А., 2019: 103]), содержат «стандарты и правила предпринимательской или профессиональной деятельности ... обязательные для выполнения всеми членами саморегулируемой организации»⁹, что однозначно свидетельствует об их нормативности, т.е. общем характере. Но нормативность эта, как и у всех локальных актов, ограничивается персональным составом членов организации.

В отличие от локальных, муниципальные нормативно-правовые акты устанавливают «территориальное правовое пространство» [Тихомиров Ю.А., 2017: 6], распространяя свое действие на всех субъектов, находящихся на территории соответствующего муниципального образования. Принцип их действия в этом смысле абсолютно аналогичен действию клас-

⁹ Ч. 2 ст.4 Федерального закона от 01.12.2007 N 315-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. N 49. Ст. 6076.

сических нормативно-правовых актов, исходящих от органов государства, и позволяет говорить о муниципальных актах как об органичном продолжении государственной нормативной системы (что только подчеркивается закреплением на конституционном уровне конструкции «публичная власть»¹⁰). В связи с этим распространение на муниципальные акты термина «локальный» представляется недостаточно обоснованным.

С одной стороны, связанная с этим термином традиционная частноправовая проблематика в этом случае либо подменяется публично-правовой, либо искусственно приравнивается к последней. Это могло бы быть оправдано при совпадении прочих признаков рассматриваемых актов. К примеру, внутренние акты государственных органов могут называться (и называются¹¹) локальными, потому что хоть они и исходят от субъекта публичной власти, носят при этом внутриорганизационный характер и действуют по персональному, а не по территориальному признаку. В случае с муниципальными актами общего действия понадобился бы отказ от всех признаков локального акта в его традиционной трактовке.

С другой стороны, каких-либо новых исследовательских возможностей муниципально-правовая трактовка локальных актов не открывает. Так, в учебнике «Нормография: теория и технология нормотворчества» в главе, посвященной локальному нормотворчеству, два из трех параграфов рассказывают о подготовке и принятии муниципальных нормативных актов, а третий — о корпоративных [Арзамасов Ю.Г., 2019: 391–452]. Примечательно не столько отсутствие в работе теоретического обоснования подобного деления, сколько тот факт, что термин «локальный» ни разу в параграфах, посвященных муниципальному правотворчеству, не упоминается. Думается, теория муниципального права в нем не нуждается.

В корне неверным в связи с этим представляется подход, полностью отождествляющий локальные акты с актами органов местного самоуправления и подразумевающий существование двух непересекающихся групп актов: локальных (муниципальных) и корпоративных (актов органов управления корпоративной организации) [Кашанина Т.В., 2009: 127–146]. Мало того,

¹⁰ Ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

¹¹ См., напр.: Порядок проведения антикоррупционной экспертизы локальных нормативных правовых актов и проектов локальных нормативных правовых актов Арбитражного суда Саратовской области (утв. приказом Арбитражного суда Саратовской области от 21.04.2014 № 620од) // Арбитражный суд Саратовской области. Available at: URL: <https://saratov.arbitr.ru/node/13734>; Порядок проведения антикоррупционной экспертизы локальных нормативных правовых актов и проектов локальных нормативных правовых актов Арбитражного суда Хабаровского края (утв. приказом Арбитражного суда Хабаровского края от 31.03.2014 № 17од) // Арбитражный суд Хабаровского края. Available at: URL: <https://khabarovsk.arbitr.ru/about/kor/localacts> (дата обращения: 20.03.2021)

что в подобном переименовании муниципальных актов нет практической необходимости, так еще и внутренние акты некорпоративных организаций вообще остаются в таком случае без названия.

При этом польза от подобного новаторства в достаточной мере не обосновывается. К примеру, авторской идее специального изучения корпоративных актов нисколько не помешала бы дипломатичная попытка сохранить термин «локальные» для актов некорпоративных — подобные предложения встречаются в научной литературе [Латыпов Т.В., 2013: 20–24]; [Васькевич В.П., 2010: 210]. В этом случае внутренние акты организаций предлагается делить на корпоративные (акты органов корпоративной организации) и локальные (трудоправовые).

Стоит заметить, что такое деление, хоть и носит более компромиссный характер, так же не является достаточно удачным из-за отсутствия четкой границы между локальными и корпоративными актами. Если эту границу проводить по субъекту правотворчества (акты корпоративных и некорпоративных организаций), то в разных группах окажутся сходные по содержанию и функциям акты (решения ученого совета государственного и частного вуза; регулирующие труд наемных работников акты индивидуального предпринимателя и главы крестьянского (фермерского) хозяйства и т.п.). Если же деление актов на корпоративные и локальные проводить, руководствуясь тематикой акта, то получится, что разграничивать нужно акты одной и той же организации (решение органов управления корпоративной организации, содержащее нормы трудового права, придется тогда отнести не к корпоративным, а к локальным актам). В обоих случаях проводимое таким образом деление не будет достаточно последовательным.

По нашему мнению, оптимальным решением проблемы является признание понятия «локальные нормативно-правовые акты» родовым по отношению к внутренним актам всех юридических лиц. Учитывая факт законодательного использования термина «корпорация», отождествление локального и корпоративного правотворчества не имеет на сегодняшний день под собой нормативных оснований, так как корпорациями признаются не все юридические лица. Корпоративные акты поэтому должны рассматриваться как разновидность актов локальных.

Распространяется родовое понятие «локальные нормативно-правовые акты» и на внутренние акты государственных и муниципальных органов, хотя последние, безусловно характеризуются определенной спецификой. В.К. Самигуллин замечает в связи с этим, что в рамках локального нормативного правового регулирования сложились два типа правового регулирования: публичный и частноправовой. «Локальное нормативное правовое регулирование, развивающееся в рамках публичного права, напоминает ту локальную децентрализацию в правовом регулировании, что имела место

в опубликованном (огосударственном) советском праве» [Самигуллин В.К., 2016: 22]. Специфика этой группы актов, безусловно, подлежит уточнению в будущем, когда/если законодатель определится с конструкцией юридического лица публичного права. Но общий для всех локальных актов признак — внутриорганизационный характер — и для них сохраняет свое значение.

Заключение

Рассматривая проблему природы и сущности локальных нормативно-правовых актов, необходимо выбрать ту их черту, которой следует придать решающее значение, определиться, что для нас важнее: от чьего имени формально принимаются нормы (единоличный, коллегиальный орган, все члены корпорации), на каком уровне правовой системы они действуют (вне- или внутриорганизационный), по какому критерию определяются границы их действия (персональный, территориальный), как соотносятся с государственной нормативной системой (продолжение, автономия) и пр.

Термин «локальный», признанный теоретиками и отражающий принципиально важное (с точки зрения теории) свойство — происхождение акта от организации, регулирующей через него свои внутренние вопросы, — можно использовать для обозначения внутренних актов любых организаций. К этой же группе относятся направленные на регламентацию труда наемных работников акты частнопрактикующих субъектов, также осуществляющие автономное, «негосударственное» регулирование. Определенную часть локальных актов (те, что исходят от организаций, отвечающих юридическим признакам корпорации), в соответствии с цивилистической традицией, следует именовать корпоративными. И корпоративные, и другие локальные акты могут касаться разнообразных вопросов: управления организацией, трудового права и пр. Отдельную разновидность локальных актов образуют внутренние акты государственных и муниципальных органов, носящие, в отличие от остальных, публично-правовой характер, но не содержащие властных предписаний, направленных за пределы самого органа (гражданам, организациям, другим органам власти).

Важной особенностью всех этих актов является специфическая нормативность, сочетающая в себе, с одной стороны, неперсонифицированность (акты распространяются не на конкретных субъектов, а на их категории: «член организации», «участник», «работник», «служащий» и т.п.), с другой — принципиальную исчислимость адресатов (так как все они организационно связаны с носителем нормотворческой воли). Учитывая сказанное, в число локальных нормативно-правовых актов не следует включать муниципальные нормативно-правовые акты, нормативность которых обусловлена территориальным, а не персональным критерием.

Наличие прочной теоретической базы в исследовании локальных нормативно-правовых актов может стать основой прикладных разработок и практических рекомендаций по совершенствованию данных актов в конкретных сферах правового регулирования.

Список источников

1. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1993. 224 с.
2. Антонов М.В. Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма? // Правоведение. № 1. 2013. С. 151–175.
3. Арзамасов Ю.Г. (ред.) Нормография: теория и технология нормотворчества. М.: Издательство Юрайт, 2019. 542 с.
4. Бабайцева Е. А. Сходства и различия саморегулирования и лицензирования как средств правового регулирования предпринимательской деятельности // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 1. С. 99–104.
5. Бахрах Д.Н. Административное право России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2006. 528 с.
6. Васькевич В.П. Обзор работы Круглого стола на тему: «Локальные акты спортивных организаций: теория и юридическая практика» // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 4. С. 207–215.
7. Власенко Н.А. Индивидуализация как закономерность развития современного российского законодательства // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 11–17.
8. Гутников О.В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 4–30.
9. Долинская В.В. Организационно-правовые формы хозяйствования: система и новеллы // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 13–22.
10. Залоило М. В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 27–49.
11. Казаков С.О. Регулирование участия работников в управлении организациями на уровне отраслевых соглашений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 5. С. 148–166.
12. Калюжнов Е.Ю. Теоретико-правовые основания правил техники локального нормотворчества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 220 с.
13. Кашанина Т.В. Корпоративное (внутрифирменное) право. М.: Норма, 2005. 320 с.
14. Кашанина Т.В. Частное право. М.: Эксмо, 2009. 494 с.
15. Козырева А.Б. Корпоративное правотворчество: теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 232 с.
16. Козырева А.Б. Корпоративное правотворчество: теория и практика. М.: КноРус, 2020. 192 с.
17. Латыпов Т.В. К вопросу о правовых категориях «корпоративный акт» и «локальный акт»: их соотношение и некоторые особенности применения в сфере спорта // Спорт: экономика, право, управление. 2013. № 4. С. 20–24.
18. Лескова Ю.Г. Саморегулирование как экономическое и правовое явления // Журнал российского права. 2011. № 5. С.48–56.

19. Лушников А.М. Демократизм и локальное нормотворчество: теория и практика // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 63–70.
20. Малахов В.П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 145 с.
21. Марченко М.Н. Источники права. М.: Проспект, 2005. 760 с.
22. Ордина О.Н. К вопросу о законодательном закреплении модели локальных нормативных административно-правовых актов // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2010. № 3. С. 15–17.
23. Правкина И.Н. Правовые стратегии в основных формах современного права // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 107–110.
24. Романовская О.В. Деконцентрация публичного управления: право и административная реформа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 4–24.
25. Самигуллин В.К. Локальное нормативное правовое регулирование: состояние и перспективы // Журнал российского права. № 4. 2016. С. 15–24.
26. Самигуллин В.К. Локальные нормы и их виды // Правоведение. 1976. № 2. С. 38–43.
27. Слеженков В.В. Теория «умного регулирования»: идейно-исторический контекст формирования // Legal concept = Правовая парадигма. 2021. № 3. С. 12–17.
28. Тихомиров Ю.А. Правовое пространство: равновесие и отклонения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 4–17.
29. Щиглик А.И. (отв. ред.) Конституционный статус общественных организаций в СССР. М.: Наука, 1983. 200 с.
30. Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова. СПб.: «Университетский издательский консорциум», 2011. 704 с.
31. Ямпольская Ц.А. Общественные организации и развитие советской социалистической государственности. М.: Юрид. лит., 1965. 197 с.
32. Gunningham N., Sinclair D. (2017). Smart regulation. In: P. Drahos (Ed.), *Regulatory Theory: Foundations and applications*. Canberra, Australia: The Australian National University, p. 133–148.

References

1. Alekseev S.S. (1993) *Theory of Law*. Moscow: BEK, 224 p. (In Russ.).
2. Antonov M.V. (2013) Eugen Ehrlich: Living Law vs. Legal Pluralism? *Pravovedenie=Legal Studies*, no. 1, pp. 151–175. (In Russ.).
3. Arzamasov Yu.G. (ed.) (2019) *Normography: theory and technology of rule-making*. Moscow: Yurait, 542 p. (In Russ.).
4. Babaytseva E.A. (2019) Similarities and Differences of Self-Regulation and Licensing as Means of Regulation of Business. *Legal Concept — Pravovaya Paradigma=Legal Concept — Legal Paradigma*, vol. 18, no. 1, pp. 99–104. (In Russ.).
5. Bahrah D.N. (2006) *Administrative law of Russia*. Moscow: Eksmo, 528 p. (In Russ.).
6. Dolinskaya V.V. (2016) Organizational-Legal Forms of Economical Activity: System and New Regulation. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 1, pp. 13–22. (In Russ.).
7. Ehrlich E. (2011) *Basics of the Sociology of Law*. Saint Petersburg: Universitetski izdatel'ski konsorcium, 704 p. (In Russ.).

8. Gunningham N., Sinclair D. (2017) Smart regulation. In: P. Drahos (Ed.), *Regulatory Theory: Foundations and applications*. Canberra: Australian National University, pp. 133–148.
9. Gutnikov O.V. (2019) The Grounds for Development of Corporate Liability Category in Civil Law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of Higher School of Economics, no. 4, pp. 4–30. (In Russ.).
10. Kalyuzhnov E. Yu. (2015) Theoretical and legal basics of local rule-making technique. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 220 p. (In Russ.).
11. Kashanina T.V. (2005) *Corporate (Intercompany) Law*. Moscow: Norma, 320 p. (In Russ.).
12. Kashanina T.V. (2009) *Private Law*. Moscow: Eksmo, 494 p. (In Russ.).
13. Kazakov S.O. (2019) Sectoral Agreement's Regulation of Employees' s Participation in Enterprise Affairs. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* = Law. Journal of Higher School of Economics, no. 5, pp. 148–166 (In Russ.).
14. Kozyreva A.B. (2016) Corporate rule-making: theory and practice. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 2016. 232 p. (In Russ.).
15. Kozyreva A.B. (2020) *Corporate rule-making*. Moscow: KnoRus, 192 p. (In Russ.).
16. Latypov T.V. (2013) Legal categories “corporate act” and “local act”: their relationship and features of the application in the sports sphere. *Sport: ekonomika, pravo, upravlenie* = Sports: Economy. Law. Management, no. 4, pp. 20–24. (In Russ.).
17. Leskova Yu. G. (2011) Self-Regulation as Economic and Legal Phenomenon. *Zhurnal rossiyskogo prava* = Journal of Russian Law, no. 5, pp. 48–56. (In Russ.).
18. Lushnikov A.M. (2014) Democracy and local rule-making: theory and practice. *Yuridicheskaya tekhnika* = Legal Technique, no. 8, pp. 63–70. (In Russ.).
19. Malahov V.P. (2015) *General theory of law and state. To the problem of legal thinking*. Moscow: Yuniti-Dana, 145 p. (In Russ.).
20. Marchenko M.N. (2005) *Sources of law*. Moscow: Prospect, 760 p. (In Russ.).
21. Ordina O.N. (2010) On the legislative consolidation of local normative administrative legal acts. *Municipal'naya sluzhba*=Municipal Service, no. 3, pp. 15–17. (In Russ.).
22. Pravkina I.N. (2017) Legal Strategies in the Major Forms of Modern Law. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*=Herald of Internal Ministry University, no. 3, pp. 107–110. (In Russ.).
23. Romanovskaya O.V. (2019) Deconcentration of Public Administration: Law and Administrative Reform. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* = Law. Journal of Higher School of Economics, no. 1, pp. 4–24. (In Russ.).
24. Samigullin V.K. (1976) Local norms and their types. *Pravovedenie*=Legal Studies, no. 2, pp. 38–43. (In Russ.).
25. Samigullin V. K. (2016) Local Normative Legal Regulation: Status and Perspectives. *Zhurnal rossiyskogo prava* = Journal of Russian Law, no. 4, pp. 15–24. (In Russ.).
26. Shchiglik A.I. (ed.) (1983) Constitutional status of Soviet public bodies. Moscow: Nauka, 200 p. (In Russ.).
27. Slezhenkov V.V. (2021) The Theory of “Smart Regulation”: Ideological and Historical Context of Formation. *Legal Concept — Pravovaya Paradigma*=*Legal Concept — Legal Paradigma*, vol. 20, no. 3, pp. 12–17. (In Russ.).
28. Tikhomirov Yu. A. (2017) Legal Space: Balance and Deviations. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*= Law. Journal of Higher School of Economics, no. 4, pp. 4–17. (In Russ.).

29. Vas'kevich V.P. (2010) Local acts of sports organizations: review of round table. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*=Herald of Economics, Law and Sociology, no. 4, pp. 207–215. (In Russ.).
30. Vlasenko N.A. (2015) Individual Approach as a Trend in Development of the Russian Legislation. *Zhurnal rossiyskogo prava* = Journal of Russian Law, no. 12, pp. 11–17. (In Russ.).
31. Yampol'skaya C.A. (1965) *Public bodies and the Soviet socialist statehood*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 197 p. (In Russ.).
32. Zaloilo M.V. (2020) Fragmentation as a Modern Trend of Legal Space Development. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* = Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 1, pp. 27–49. (In Russ.).
-

Информация об авторе:

М.Л. Давыдова — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

M.L. Davydova — Doctor of Sciences (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 27.10.2020; одобрена после рецензирования 03.02.2021; принята к публикации 18.05.2021.

The article was submitted 27.10.2020; approved after reviewing 03.02.2021; accepted for publication 18.05.2021.